

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарская гуманитарная академия»
Самарское региональное отделение
Российского общества интеллектуальной истории
Российская академия естественных наук
секция «Энциклопедические знания»

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

*Сборник материалов ежегодного научного семинара
Самарского регионального отделения
Российского общества интеллектуальной истории*

Самара
2011

Негосударственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Самарская гуманитарная академия»
Самарское региональное отделение
Российского общества интеллектуальной истории
Российская академия естественных наук
секция «Энциклопедические знания»

**ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ
И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ**

Сборник материалов ежегодного научного семинара
Самарского регионального отделения
Российского общества интеллектуальной истории

Самара
2011

Таким образом, если мы вообще никак не можем получить знание о прошлом, не используя нарратив, тогда и ответ на наш первоначальный вопрос нужно искать на уровне нарратива, переформулировав его в «нарративной форме» и разбив на две составляющие, а именно: 1) какими особенностями обладает нарратив, использующий истинные фактические утверждения о прошлом по сравнению с другими нарративами, если обладает, и на каком уровне это проявляется — на уровне внутренней структуры единичного нарратива или на уровне включенности его в более обширные дискурсы (то есть его способности образовывать специфические метанарративы); 2) какая специфическая культурная функция реализуется при помощи данных нарративов. Для ответа на первую часть вопроса необходимо, на наш взгляд, обратиться к нарратологии и семиотике, для ответа на вторую часть — к проблеме соотношения опыта и его нарративного осмысления, и в частности к проблеме исторического опыта (важный шаг в этом направлении сделан Ф. Анкерсмитом в его последней книге «Возвышенный исторический опыт»¹³). Рассмотрев исторический нарратив как особый вид нарратива и его соотношение с историческим опытом, мы сможем по-новому взглянуть и на проблему конструирования идентичности, и на связь историчности человеческого существования с историографией, а также, возможно, совершенно по-новому осмыслить и историю возникновения и развития профессиональной историографии в связи с общим развитием европейской культуры.

¹³ См.: Анкерсмит, Ф. Возвышенный исторический опыт. М., 2007.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Репина Л. П. Стратегии и исследовательские модели современной исторической науки	3
Ипполитов Г. М. Из истории генезиса идеи альтернативности исторического процесса в советской исторической науке (1960-е — начало 1970-х гг.)	16
Леонов М. М. Сетевой подход к изучению российских салонов	24
Кобозева З. М. Народная религиозность как предмет антропологического исследования	37
Серых А. А. «Отцы и дети»: новый подход к изучению отечественного исторического сообщества рубежа XIX-XX вв.	54
Тартыгина О. А. Британская интеллектуальная элита первой четверти XX в. и проблема самовозвращения	59
Ицкович М. А. Образ «новых людей» 1860-х годов в мемуаристике конца XIX — начала XX века	68

РАЗДЕЛ II ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ, МИФ И ИСТОЧНИК

Кабытов П. С. Из истории возвращения исторического имени городу Самаре: Воспоминания очевидца и участника	77
Леонтьева О. Б. Современная историографическая ситуация в изучении исторической памяти	87

Румянцева М. Ф.

Источниковедческая парадигма исторического познания vs
идиографическая логика историописания 97

Занин С. В.

Смысловая «рамка» (предметность) и источниковедение 108

Гурин И. Г.

Историографический миф о причинах начала войны
на примере III Митридатовой войны 114

Репинцевский С. А.

Советская историография либерального движения 1856—1860 гг. 118

Объедков А. С.

Фактор влияния: методологические заметки 127

Кутягин В. В.

Дилеммы исторической политики 134

Кузнецов Д. М.

Проблема социокультурной функции историографии
в современной философии и методологии истории 139

В этом плане далеко не каждый образ прошлого способен превратиться в «исторический миф»; чтобы подняться в общественном сознании на уровень мифа, этот образ должен нести в себе некую универсальную символику. Кроме того, мифологизированное восприятие исторического события, как правило, связано с манифестацией каких-либо общезначимых ценностей, а поступки героя в рамках исторического мифа становятся способом утверждения этих ценностей (миф о том, что Петр I пожертвовал сыном ради будущего реформ; миф об уходе императора Александра I как об искуплении исторических грехов самодержавной власти и т. д.).

Таким образом, «мифологический» подход к изучению исторической памяти основан на допущении, что в сознании современного человека, под покровом рационалистического мышления, живут архаические структуры, архаические способы осмысления мира; что человеческое сознание воспринимает мир и исторические события сквозь призму древнейших архетипов, но при этом пытается оправдать с помощью этих архетипов самые разные ценности — в том числе и ценности модернизирующегося мира, реформ, перемен и т. д. Безусловно, этот подход вырос из наследия Мирчи Элиаде: в работе «Аспекты мифа» он обосновал идею, что сознание современного общества является мифологическим по существу, ничуть не в меньшей степени, чем сознание дикаря²⁸.

Почему же именно категория мифа превратилась в центральную категорию изучения исторической памяти? Вероятно, причина этого заключается в том, что миф в его исходной, архаической форме представляет собой семантическое «ядро», где в свернутом виде заключены и образ, и рассказ-повествование. (А. Ф. Лосев дал мифу определение: «*миф есть в словах данная чудесная личностная история*», то есть сюжетное повествование, построенное вокруг какой-либо персоналии, и содержащее отсылку к универсальным культурным сюжетам)²⁹. Категория «мифа», следовательно, позволяет объединить и дискурсивную, и образную природу исторической памяти.

Таким образом, исследование исторической памяти всегда представляет собой реконструкцию идентификационных структур, свойственных сознанию «вспоминающей» эпохи. Понятия «иден-

²⁸ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.

²⁹ Лосев А. Ф. Диалектика мифа. Дополнение к «Диалектике мифа». М., 2001. С. 212.

тичность» — «память» — «дискурс» — «образ» — «миф» оказываются взаимно увязанными друг с другом, существующими в одном проблемном поле. Эти понятия очерчивают смысловые координаты, в которых существуют современные исследования по истории памяти; и они же, как представляется, достаточно четко показывают, в чем заключается секрет притягательности исследований по истории исторической памяти.

Этот секрет кроется в рефлексивной природе таких исследований. Совершая работу по дешифровке структур идентичности людей из других исторических эпох, мы тем самым оттачиваем инструменты, которые могут быть применены для анализа нашей собственной идентичности, для вскрытия дискурсивной, образной или мифологической природы нашего собственного исторического сознания. Возвращаясь к метафорическому ряду исследований по исторической памяти, хотелось бы вспомнить о том, что память часто уподобляется пространству, которое можно изобразить визуально — например, картографировать. Если продолжить эту метафору, то изучение исторической памяти можно сравнить с путешествием; и, как показывает опыт травслогов всех времен и народов, начиная с «Одиссеи», путник всегда возвращается из путешествия не таким, каким отправлялся в путь.

М. Ф. Румянцева
канд. ист. наук (г. Москва)

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ VS ИДИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛОГИКА ИСТОРИОПИСАНИЯ

Источниковедение традиционно воспринималось, а некоторыми исследователями и продолжает восприниматься как вспомогательная историческая дисциплина, задача которой — «критика» исторических источников с целью установления их достоверности, а, следовательно, и «извлечения» из них «объективных фактов». Здесь, во избежание недоразумений, сразу же стоит заметить, что такой подход является парадигмально осмысленным только в рамках классической философии, т. е. на уровне, как максимум, первой трети XIX в. Само понятие достоверности в этом случае выступает как

синоним соответствия так называемой «объективной реальности», на постижение которой и были направлены усилия классической философии в широком ее понимании — от Платона до Гегеля.

Цель настоящей работы — представить источниковедение как парадигмально значимую теоретико-познавательную концепцию гуманитарного звания, на которой основывается Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института, восходящая к источниковедческой концепции исторического познания Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского¹ (1863-1919) и получившая концептуальное оформление в теории когнитивной истории Ольги Михайловны Медушевской² (1922-2007).

Для достижения этой цели предстоит если не осветить, то — в рамках настоящей работы — весьма кратко обозначить два момента: (1) выявить основные этапы становления вышеуказанного направления, акцентировав внимание на тех проблемах научного гуманитарного / исторического познания, которые решались в рамках исследуемой парадигмы на каждом этапе; (2) сопоставить рассматриваемую источниковедческую парадигму с идиографической логикой историописания, особенно в контексте актуальной социокультурной и теоретико-познавательной ситуации.

Становление структуралистской феноменологической источниковедческой парадигмы исторического познания

Приведенная характеристика данной концепции источниковедения как структуралистской и феноменологической, несомненно, требует хотя бы кратких пояснений.

Начнем с понятия *феноменологическая*. Основоложника направления А. С. Лаппо-Данилевского в философской литературе и историографии обычно характеризуют как неокантианца³. Ос-

¹ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории : в 2 т. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010 (1-е изд., 1909, 1910-1913).

² *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории. М. : РГГУ, 2008. 358 с.

³ См., например: *Рамазанов С. П.* Методологические воззрения А. С. Лаппо-Данилевского и неокантианская теория ценностей // Методологические и источниковедческие вопросы исторической науки. Томск, 1980. Вып. 14 ; *Ситицын О. В.* Кризис русской буржуазной исторической науки в конце XIX — начале XX века: Неокантианское течение. Казань, 1990; *Рамазанов С. П.* Кризис в российской историографии начала XX

пования для этого дает, в первую очередь, его понимание исторического знания преимущественно как идиографического. Но при этом следует со всей отчетливостью различать идиографию баденских неокантианцев (В. Виндльбанда и Г. Риккерта) и идиографию А. С. Лаппо-Данилевского. Если Г. Риккерт в своей «Философии истории» ориентируется исключительно на логику исторической науки и решительно отказывается определять ее объект⁴, то в основе концепции А. С. Лаппо-Данилевского, напротив, лежит исследование природы исторического источника как объективированного продукта человеческой психики, и, следовательно, устойчивого объекта исторического познания, допускающего повторное обращение к его исследованию. В понимании сути исторического источника и взаимоотношений в системе «историк — источник» у А. С. Лаппо-Данилевского обнаруживается феноменологический подход, имеющий много общего с построениями его современника Э. Гуссерля. Размышляя об объекте исторического познания, А. С. Лаппо-Данилевский констатирует: «При выяснении понятия об объекте исторического познания я буду исходить из представления о действительности, содержание которого каждый из нас строит из эмпирических данных. В том случае, когда я высказываю ассерторическое экзистенциальное суждение о построенном мною из таких данных содержании моего представления, я и рассуждаю о действительности»⁵. Приступая к исследованию понятия «исторический источник», А. С. Лаппо-Данилевский пишет: «С теоретико-познавательной точки зрения под эмпирически данным “источником” можно разумеать всякое данное нашего чувственного восприятия <...>». И далее: «В самом деле, такой объект представляется всякому историку-специалисту “данным” его сознания: историк не только признает его своим представлением, но приписывает его содержанию реальное существование <...>»⁶.

Волгоград, 1999. Ч. 1. С. 94–112. Несколько более объемную характеристику см.: *Малинов А. В., Погodin С. Н.* Александр Лаппо-Данилевский: историк и философ. СПб., 2001; *Трапи Н. А.* Теоретико-методологическая концепция А. С. Лаппо-Данилевского: опыт эволюционной реконструкции. Ростов н/Д, 2006.

⁴ *Риккерт Г.* Философия истории // Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. М., 1998. С. 135–165.

⁵ *Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории... Т. 1. С. 329.

⁶ Там же. Т. 2. С. 29, 30.

Что касается определения *структуралистская*, то в его основе исследования видовой природы исторического источника и видовой структуры комплексов источников, соответствующих той или иной культуре, выполнявшиеся Научно-педагогической школой источниковедения на протяжении преимущественно 1940-1990-х гг.

В становлении своих теоретико-познавательных основ Научно-педагогическая школа источниковедения прошла три этапа.

Первый из них, как уже отмечалось, был связан с разработкой эпистемологической концепции исторического познания А. С. Лаппо-Данилевским на рубеже XIX-XX вв. В основе методологии истории А. С. Лаппо-Данилевского — оригинальная концепция источниковедения, обуславливающая конструирование истории как строго научного, верифицируемого знания. Особо подчеркнуто, что принципиальной ошибкой является понимание концепции А. С. Лаппо-Данилевского как собственно источниковедческой. Не случайно фундаментальный труд А. С. Лаппо-Данилевского назывался «Методология истории». Автор разрабатывал именно *методологию истории*, и концептуальный поиск прочных оснований построения исторического знания привел его к разработке понятия «исторический источник» как системообразующего начала строго научного исторического познания и иных теоретических вопросов источниковедения. На этом этапе, кроме базового понятия «исторический источник», А. С. Лаппо-Данилевским были детально разработаны вопросы интерпретации⁷, а также затронута проблема исторического построения, но, что важно подчеркнуть, проблема исторического построения решалась А. С. Лаппо-Данилевским преимущественно в идиографическом ключе⁸.

Второй этап — собственно становление Научно-педагогической школы — связан с деятельностью кафедры источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин (основана в 1939 г.) на протяжении середины — второй половины XX в. Главное в этот период — разработка видовой структуры корпуса исторических источников как проекции определенной культуры и видовых методик изучения исторических источников⁹. Завершение этого

⁷ Там же. Т. 2. С. 64—155.

⁸ Там же. С. 395—542.

⁹ См.: *Никитин, С. А.* Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов): Курс источниковедения истории СССР: учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. Т. 2. М.: Соцэкгиз, 1940. 227 с.; *Гухомиров М. И.* Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в.

периода приходится на ситуацию постмодерна. И здесь именно исследование видовой структуры корпуса исторических источников позволяло наиболее эффективно противостоять постмодерни-

Курс источниковедения истории СССР: учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов. Т. 1 / ред. Ю. В. Готье, В. Н. Астров. М.: Соцэкгиз, 1940. 256 с.; *Мерзон А. Ц.* Возвращения, возникшие во время народных восстаний XVII в. М., 1955. 9 с.; *Мерзон А. Ц.* Писцовые и переписные книги XV—XVII веков: учеб. пособие / отв. ред. А. Т. Николаева. М., 1956. 33 с.; *Черноморский М. Н.* Периодическая печать: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Полетаев. М., 1956. 52 с.; *Медушевская О. М.* Картографические источники XVII—XVIII вв.: учеб. пособие по источниковед. ист. СССР / отв. ред. В. К. Яцуцкий. М., 1957. 28 с.; *Мерзон А. Ц.* Таможенные книги XVII века: учеб. пособие / отв. ред. А. Т. Николаева. М., 1957. 68 с.; *Черноморский М. Н.* Статистические источники: учеб. пособие / отв. ред. В. Е. Полетаев. М., 1957. 68 с.; *Миронова И. А.* Прокламации и листовки России пореформенного периода: учеб. пособие / отв. ред. Н. П. Ерошкин. М., 1958. 10 с.; *Миронова И. А.* Судебно-следственные материалы первой половины XIX века / отв. ред. А. Ц. Мерзон. М., 1958. 30 с.; *Буганов В. И.* Разрядные книги последней четверти XV — первой половины XVII вв. / отв. ред. А. А. Зимин. М., 1959. 98 с.; *Зимин А. А.* Русская публицистика конца XV—XVII вв.: учеб. пособие по источниковедению истории СССР / отв. ред. А. Ц. Мерзон. М., 1959. 110 с.; *Медушевская О. М.* Воспоминания как источник по истории первой русской революции 1905—1907 гг.: Пособие по источниковедению истории СССР / отв. ред. М. П. Черноморский. М., 1959. 82 с.; *Медушевская О. М.* Картографические источники первой половины XIX века: учеб. пособие по источниковед. ист. СССР / отв. ред. В. К. Яцуцкий. М., 1959. 48 с.; *Черноморский М. Н.* Мемуары как исторический источник: учеб. пособие / отв. ред. И. К. Додонов. М., 1959. 80 с.; *Зимин А. А.* Русские летописи и хронографы конца XV—XVI вв.: учеб. пособие / отв. ред. А. Ц. Мерзон. М., 1960. 36 с.; *Миронова И. А.* Законодательные памятники пореформенного периода (1861—1900 гг.): учеб. пособие / отв. ред. Н. П. Ерошкин. М., 1960. 31 с.; *Зимин А. А.* Законодательные памятники русского государства XV — начала XVII века: учеб. пособие / отв. ред. А. Ц. Мерзон. М., 1961. 38 с.; *Черноморский М. Н.* Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. М.: Высш. шк., 1961. 134 с.; *Медушевская О. М.* Документы профессиональных союзов как источники по истории советского общества: Пособие по источниковед. ист. СССР сов. периода / отв. ред. М. Н. Черноморский. М., 1962. 47 с.; *Миронова И. А.* Крестьянский вопрос в периодической печати периода подготовки реформы 1861 года: (Методика анализа периодической печати): Лекция / отв. ред. М. Н. Черноморский. М., 1962. 45 с.; *Черноморский М. Н.* Работа с мемуарами при изучении истории КПСС. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1965. 135 с.; *Черноморский М. Н.* Источниковедение исто-

стской раздробленности исторического знания. В 1990-е гг. получила свое оформление концепция компаративного источниковедения как концепция второго уровня по отношению к базовой, т.е. парадигмальной¹⁰. Результаты развития концепции за этот период подытожены в фундаментальном учебном пособии «Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории»¹¹.

Третий период хронологически соответствует началу XXI в., т.е. становлению новой социокультурной ситуации – постпост-модерна, для которого характерны мощные интеграционные тенденции, а, следовательно, и поиски новых оснований исторического знания, поиск оснований новой исторической целостности. В это время в Научно-педагогической школе источниковедения продолжается разработка философских оснований понятия «исторический источник», но теперь не только гносеологических, как в неокантианстве, но и онтологических; исследуется проблема теоретических оснований исторического знания как строго научного и отвечающего общенаучным критериям, сформулированным в философии науки XX в. Как уже отмечалось, свое оформление концепция на новом уровне получила в монографии О. М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории».

рии СССР (Советский период) : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1966. 134 с.; *Евграфов Е. М.* Кинофотофонодокументы как исторический источник : учеб. пособие / отв. ред. М. Н. Черноморский. М., 1973. 46 с.; *Миронова И. А.* Источниковедение истории СССР XIX – нач. XX вв. : учеб. пособие для студентов-заочников / отв. ред. Е. А. Луцкий. М., 1975. 116 с.; *Черноморский, М. Н.* Источниковедение истории СССР (Советский период). 2-е изд., испр. и доп. М. : Высш. шк., 1976. 296 с.; *Ситцов Ю. Я.* Изучение материалов социологических обследований советской деревни, 1917–1977 гг. М., 1980. 32 с.; *Шmidt С. О., Князьков С. Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI–XVII вв. : учеб. пособие / отв. ред. Е. И. Каменцева. М., 1985. 102 с.; *Миронова И. А.* Методика изучения мемуаров XIX века : учеб. пособие / отв. ред. О. М. Медушевская. М., 1988. 50 с.; *Кабанов, В. В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций / РГГУ. ИАИ. М., 1997. 385 с.

¹⁰ *Румянцова М. Ф.* Теория истории : учеб. пособ. М., 2002. С. 220–317.

¹¹ *Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории : учеб. пособ. / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцова. М. : Российский гос. гуманит. ун-т. 1998. 702 с. (повторн. изд. 2000, 2004).*

В разработке теории и методологии источниковедения О. М. Медушевская постоянно опиралась на эпистемологическую концепцию А. С. Лаппо-Данилевского, но и отталкивалась от нее. Обращение к трудам А. С. Лаппо-Данилевского, осмысление и переосмысление его теоретико-познавательной концепции было лейтмотивом научного и педагогического творчества Ольги Михайловны. О. М. Медушевская не только постоянно пропагандировала концепцию А. С. Лаппо-Данилевского, но и раскрывала значение этой концепции в новой теоретико-познавательной ситуации последней трети XX – начала XXI в., адаптировала ее к новым потребностям научного знания и высшего образования¹².

В результате О. М. Медушевская пришла к базовому понятию когнитивной истории – «эмпирической реальности исторического мира»¹³.

Именно О. М. Медушевская начала характеризовать практикуемый Научно-педагогической школой источниковедения подход не только как феноменологический, но и как структуралистский. Поскольку главной идеей научного творчества О. М. Медушевской было обоснование точного исторического знания, то и к проблеме выявления видовой структуры комплексов источников, а значит и исторического целого, она подходила с этих позиций. О. М. Медушевская исследует «непосредственно наблюдаемые устойчивые отношения между элементами структуры». Она пишет: «Выявление <...> устойчивых структур – первый шаг, за которым должно следовать обнаружение механизмов, вызывающих появление этих устойчивых структур, а значит, открывается возможность понять “порядок вещей”, по правилам которого функционирует система. В результате полученное таким образом знание обещает быть точным, поскольку структуры можно наблюдать неоднократно, проверяя свои гипотезы и постоянно совершенствуя логику интерпретации их внутренних механизмов. Такова общая идея, состоящая в

¹² *Медушевская О. М.* Теория и методология когнитивной истории... Гл. 5: Историческое образование в условиях смены парадигм. С. 288–330.

¹³ См. также: *Медушевская О. М.* Эмпирическая реальность исторического мира // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология исторического знания в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. М. : РГГУ, 2008. С. 24–34.

достижимости точного, доказательного и, следовательно, открывающего новые возможности гуманитарного знания»¹⁴.

Итак, в Научно-педагогической школе источниковедения Историко-архивного института объект источниковедения эволюционировал от исторического источника как реализованного продукта человеческой психики — через видовые системы исторических источников, позволяющие выявлять структуру культурно-исторических образований, — к «эмпирической реальности исторического мира». Такое понимание объекта и соответствующий ему структуралистский феноменологический метод источниковедения позволяют (1) получить точное научное знание за счет, в первую очередь, наличия эмпирического объекта наблюдения, (2) выявить сопоставимые социокультурные структуры и применить к ним строгий метод компаративистики, что свидетельствует о преодолении идиографической логики уникальности и выявлении возможности построения целостного исторического знания на иных, общенаучных, основаниях.

Источниковедение vs идиографическая логика исторического нарратива

Определяя место концепции когнитивной истории в актуальной познавательной ситуации, О.М. Медушевская описывает суть этой ситуации как «сосуществование и противоборство двух взаимоисключающих парадигм», одна из которых «неотделима от массового повседневного исторического сознания, опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключая перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в целостном выборе историка как познающего субъекта», а другая, гораздо менее востребованная, — «парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания...»¹⁵.

Я позволила себе привести относительно длинную цитату в краткой статье, поскольку она, с одной стороны, лаконично фикс-

¹⁴ Медушевская О. М. Теория и методология когнитивной истории... С. 207–208.

¹⁵ Там же. С. 15–16.

сирует актуальную познавательную ситуацию, а с другой, даст отправную точку для дальнейших размышлений.

Здесь также важно обратить внимание на мысль О. М. Медушевской о близости построений профессиональных историков в рамках традиционных / привычных парадигм или привычной нарративной логики массовому сознанию. Именно в этом О. М. Медушевская видит причину устойчивости традиционных подходов: «В силу своей адекватности повседневному историзму массового сознания парадигма нарративной логики преобладает в мире. Достаточно вспомнить о том, как представляет свою науку сообщество в преподавании в общеобразовательной школе. История преподается не как наука или научный метод, но как набор достигнутых знаний утверждений, сопровождаемых оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, но на усвоение»¹⁶. В актуальной познавательной ситуации, когда профессиональные исследователи все чаще констатируют нарастающий разрыв между профессиональным знанием и возможностями его позиционирования в массовом сознании, эта мысль О. М. Медушевской приобретает принципиальный характер.

В целом соглашаясь с констатацией О. М. Медушевской и даже вынеся ее в название статьи, все же акцентирую внимание на наших расхождениях, наиболее существенное из которых состоит в том, что, по моему мнению, эти парадигмы в настоящее время не противоборствуют, а существуют параллельно, каждая из них выполняет определенную актуальную социальную функцию, каждая отвечает актуальным потребностям современного социума. Отсюда два следствия: (1) эти парадигмы не взаимоисключающие, а взаимодополняющие; (2) то, что нарративистская парадигма более востребована, вполне нормально и объяснимо в современной социокультурной ситуации.

Для обоснования этой позиции необходимо обозначить основные характеристики актуальной ситуации и в этом контексте выявить значение источниковедческой парадигмы исторического познания в соотношении с трансформацией социальной функции идиографического историописания в современном социуме.

Актуальная социокультурная ситуация — ситуация постпостмодерна, базовыми характеристиками которой, по отношению к предшествующему состоянию постмодерна, являются (1) переход

¹⁶ Там же. С. 16.

от информационного общества к манипуляционному и (2) переход от глобализации к глокализации.

В дальнейших размышлениях будем исходить из аксиоматичных, в рамках нашей теории, постулатов: (1) инвариантной функцией исторического знания является обеспечение идентичности как первичной социальной потребности человека; (2) смена социокультурных ситуаций — это всегда смена типов идентичности. Именно в этом я вижу механизм предъявления нового социального запроса к историческому знанию.

И в этих условиях новое значение приобретает идиографическая логика исторического знания. Переход от информационного общества к манипуляционному — это переход от кризиса исторического метанарратива, знаком чего была микроистория, столь популярная в конце XX в., к острой потребности в формировании нового метанарратива, что и заставляет обратиться к идиографическому опыту неокантианцев рубежа XIX–XX вв. Но в актуальной ситуации опорой метанарратива служат уже не факты с историческим значением, понимаемые как факты воздействия индивидуума на среду, повлекшие за собой изменение этой среды¹⁷, а «места памяти» (П. Нора), хотя, наверное, в обоих случаях можно признать аксиологическую основу этих построений.

В этом же контексте может быть рассмотрена наблюдаемая в настоящее время трансформация краеведения из эрудитского типа знания, (которое в ситуации постмодерна, с одной стороны, было соотносимо с микроисторией, а с другой, обеспечивало потребность социума в идентичности) во внеаучную форму общественного сознания, удовлетворяющую потребность в локальной идентичности в условиях глокализации. При этом, осознавая, что характеристика этого типа знания как внеаучного часто прочитывается как «ненаучного» и вызывает стойкие негативные коннотации, подчеркну, что в данной характеристике не заложено никакой иерархичности знания или оценки его различных вариаций — в ее основе постпозитивистская характеристика разных типов знания как рядоположенных, выполняющих разные, но равно социально значимые функции¹⁸.

¹⁷ Лато-Данилевский А. С. Методология истории... Т. 2. С. 416–430.

¹⁸ О соотношении научного и иных типов знания см., например: Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания // Избранные труды по методологии науки / П. Фейерабенд. М., 1986. С. 125–467.

В то время, как новый исторический метанарратив, ориентированный на «места памяти», выполняет важнейшую функцию формирования социальной памяти, а, следовательно, и обеспечения идентичности, возрастает потребность и в историческом знании иного типа — в строгом профессиональном знании, которое может служить основой для осмысленного отношения к социокультурной реальности и выработки стратегических решений.

И в этом контексте еще раз акцентируем внимание на парадигмальном характере источниковедческой концепции исторического познания. То есть в этом случае источниковедение выступает не как вспомогательная историческая дисциплина, поставляющая надежный «исторический материал» для последующего исторического построения, а как базовая теория исторического познания. Понимание предмета источниковедения как эмпирической реальности человеческого мира во всех его творческих/культурных, т. е. собственно человеческих, проявлениях позволяет системно-структурно представить различные культуры через выявление типологии порождаемых ими продуктов культуры, исторических источников, а также целостно — как исторически, так и коэкзистенциально — представить человеческий мир на основе компаративного исследования выявленных структур.

* * *

В заключение подчеркнем, что представленная здесь — весьма кратко — источниковедческая парадигма исторического познания, хотя и позволяет решить актуальную и существенную проблему достижения целостного строго научного знания о человеческом мире, не носит универсального характера. Она неизбежно выступает в сочетании и дополнении с иными подходами, в первую очередь, нацеленными на презентацию истории в виде более легко позиционируемого в общественном сознании исторического нарратива. Проблема соотношения источниковедческой парадигмы с иными подходами, равно как и более общая проблема парадигмальной структуры современного исторического знания, несомненно, требует дальнейшей разработки, и здесь чрезвычайно важна как саморефлексия разных концепций, так и взгляд с их стороны на обидную проблему.